

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ ЕСТЕСТВОЗНАНИЯ И ТЕХНИКИ ИМ. С.И. ВАВИЛОВА
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ФИЛИАЛ

Т. И. ЮСУПОВА

СОВЕТСКО-МОНГОЛЬСКОЕ НАУЧНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

СТАНОВЛЕНИЕ, РАЗВИТИЕ
И ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ
1921—1961

Нестор-История
Санкт-Петербург
2018

Юсупова Т. И.

Ю91 Советско-монгольское научное сотрудничество: становление, развитие и основные результаты (1921–1961) / Т. И. Юсупова. — СПб. : Нестор-История, 2018 — 312 с.

ISBN 978-5-4469-1383-1

В книге представлена история установления и развития советско-монгольского научного сотрудничества с начала 1920-х гг. до создания Академии наук МНР в 1961 г. Научные контакты с Монголией в этот период выделялись своей интенсивностью и дисциплинарным разнообразием среди других направлений международной деятельности Академии наук СССР. В работе рассмотрены причины широкомасштабных советских научных инициатив в Монголии, их цели, задачи, содержание, правовое обеспечение, основные совместные проекты. Используемые в монографии многочисленные архивные материалы из российских и монгольских архивов позволили проанализировать советско-монгольские научные контакты в широком социально-политическом контексте. Большое внимание в книге уделено конкретным участникам научного взаимодействия — советским и монгольским ученым, их мотивациям и исследовательским программам, персональному вкладу в научное сотрудничество Академии наук СССР и Комитета наук МНР.

Издание предназначено для специалистов — историков науки и монголоведов — и широкого круга читателей, интересующихся историей российско-монгольских отношений.

Yusupova T. I.

Soviet-Mongolian Academic Cooperation: Establishment, Development, Main Results (1921–1961) / T. I. Yusupova. — St. Petersburg : Nestor-Historia, 2018 — 312 p.

The book examines the history of Soviet-Mongolian academic cooperation from the early 1920s to the establishment of the Academy of Sciences of the Mongolian People's Republic in 1961. The scientific collaboration with Mongolia during this period was distinguished by its intensity and disciplinary diversity among other trends of international activity of the Soviet Academy of Sciences. The author looks into the reasons for the large-scale Soviet scientific initiatives in Mongolia, their objectives, content, legal support, and the major joint projects. The numerous documentary materials from the Russian and Mongolian archives allowed to analyze the Soviet-Mongolian academic contacts in a broad socio-political context, to show the dependence of their forms and content on the nature of the interstate relations and internal political problems of both countries, and to trace the methods of the state influence on the research activities of the Academy of Sciences of the USSR and the Scientific Committee of the MPR. Much attention in the book is given to specific participants in the research cooperation — the Soviet and Mongolian scientists, their motivations and research programs, and personal contributions.

The book is intended for a wide reading audience — historians, Mongolists, and all those who are interested in the history of Russo-Mongolian relations.

ISBN 978-5-4469-1383-1

9 785446 913831

© Т. И. Юсупова, 2018

© Издательство «Нестор-История», 2018

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	5
Глава 1. Монголия как объект изучения Академией наук в XVIII — начале XX в.	13
1.1. Монголоведение в Академии наук	13
1.2. Естественнонаучное изучение Монголии в XVIII — начале XX в.	27
Глава 2. Академия наук СССР и Комитет наук (Ученый комитет) МНР: формы и содержание сотрудничества в 1925–1945 гг.	39
2.1. Политическая ситуация в Монголии: от феодально-теократической монархии к народной республике	39
2.2. Создание Ученого комитета Монголии и национальные особенности организации науки	47
2.3. Международные контакты Ученого комитета Монголии в 1920-х гг.	57
2.4. Под правительственным патронажем: Комиссия СНК СССР по научному исследованию Монголии, 1925–1927 гг.	67
2.5. В составе академических учреждений: Монгольская комиссия АН СССР	94
2.6. Нормативно-правовое обеспечение работы советских ученых в Монголии в 1920–1930-х гг.	111
2.7. Монгольская комиссия АН СССР и Комитет наук МНР в условиях государственного администрирования и политических репрессий.	126
2.8. Реорганизация Комитета наук МНР и деятельность советских ученых в Монголии в 1940-е гг.	163
Глава 3. Сотрудничество Академии наук СССР и Комитета наук МНР в условиях смены коммуникативной стратегии научных сообществ СССР и МНР в 1945–1961 гг.	177
3.1. Советско-монгольское научное сотрудничество в послевоенных исторических реалиях.	177

3.2. Проект по подготовке «Истории МНР»	191
3.3. Монгольская историко-этнографическая экспедиция (1948–1949).....	209
3.4. Монгольская палеонтологическая экспедиция (1946–1949)	217
3.5. Монгольская сельскохозяйственная экспедиция (1947–1951)	232
3.6. Упразднение Монгольской комиссии АН СССР	245
3.7. Сотрудничество Академии наук СССР и Комитета наук МНР в 1950-е гг.	251
3.8. Создание Академии наук МНР	270
Заключение	283
Приложение. Список советских исследователей, направленных учреждениями АН СССР в Монголию в 1922–1961 гг.	285
Список сокращений	303
Указатель имен.	305

ПРЕДИСЛОВИЕ

Среди направлений международной деятельности Академии наук СССР в 1920–1950-х гг. особенно выделяются по интенсивности и содержанию научные контакты с Монголией, с ее первым научно-исследовательским учреждением — Комитетом наук (до 1930 г. — Ученым комитетом). Однако до сих пор монгольское направление остается в тени взаимодействия Академии наук с другими странами, прежде всего европейскими. Во многом это связано с имеющим место стереотипом восприятия сотрудничества с Комитетом наук Монгольской Народной Республики (МНР) как преимущественно одностороннего вклада в этот процесс советских ученых и убеждением в превалировании политико-идеологической значимости этих контактов над их содержательной стороной.

Между тем, история установления советско-монгольского научного взаимодействия важна для понимания специфики в целом международной деятельности Академии наук в данный исторический период. Что касается монгольского направления, то этот временной промежуток имеет две особенности. Во-первых, до 1946 г. взаимодействие исследователей двух стран проходило в условиях непризнания мировым сообществом независимости МНР. Это обстоятельство препятствовало широкому развитию ее научных контактов. Ограниченными были в эти годы, в силу целого ряда хорошо известных внешне- и внутривнутриполитических причин, и международные связи Академии наук СССР.

Во-вторых, почти на всем протяжении этого периода сотрудничество с Комитетом наук МНР было организационно обособленно от других международных партнеров Академии наук. Для его координации в 1927 г. была образована специальная академическая Монгольская комиссия. После ее упразднения в 1953 г. монгольское направление организационно уже не выделялось и координировалось, наряду с сотрудничеством с другими странами, Иностранным отделом Президиума Академии наук.

Следует отметить, что в настоящее время существуют два основных подхода к освещению работы советских ученых в Монголии. В первом случае авторы,

продолжая традиции советской историографии, фокусируются исключительно на ее результативности и плодотворности и не включают в число своих задач анализ контекстов научного взаимодействия. Во втором случае, напротив, содержательные аспекты остаются в стороне, деятельность ученых вписывается в идеолого-политические или даже геополитические контексты и рассматривается исключительно как один из инструментов укрепления советского влияния в Монголии. Продолжительное время именно такая интерпретация являлась наиболее популярной в академических дискурсах западных историков.

В то же время в историографии истории Академии наук СССР сотрудничество с Комитетом наук нередко характеризуется как «международные научные отношения нового типа»¹. Что стоит за этим определением? Идеологический штамп в ряду аргументов против укоренившегося в западной литературе стереотипа Монголии как советского сателлита, или действительно оно имеет реальное содержательное наполнение и отражает характерные черты научного взаимодействия Академии наук СССР и Комитета наук МНР в эти годы, отличные от сотрудничества с другими странами? В этой книге автор попытался ответить на данный вопрос. С этой целью проведена детальная реконструкция советско-монгольского научного взаимодействия в 1920–1950-х гг., рассмотрена его специфика, основные результаты и главные участники.

Книга стала результатом продолжения изучения проблем, затронутых в монографии автора «Монгольская комиссия Академии наук. История создания и деятельности (1925–1953 гг.)» (СПб., 2006). Новый массив архивных материалов и литературы позволил проследить развитие сотрудничества уже за рамками Монгольской комиссии, в новых политических реалиях и коммуникативных возможностях ученых двух стран. Предлагаемая интерпретация советско-монгольского научного сотрудничества построена на документах, которые отложились в Государственном архиве РФ, Российском государственном архиве современной политической истории, Архиве внешней политики РФ, Архиве РАН и его Санкт-Петербургском филиале и в целом ряде других российских государственных и ведомственных архивов, а также в Национальном центральном архиве Монголии.

К истории сотрудничества Академии наук с Комитетом наук (Ученым комитетом) первыми обратились советские ученые, которые продолжительное время работали в Монголии и сами участвовали в выстраивании научного взаимодействия. В обзорных статьях А. Д. Симукова, Э. М. Мурзаева, Н. П. Шастиной, опубликованных в период с 1929 по 1952 г.², нашли отражение задачи

¹ *Иоффе А.Е.* Интернациональные, научные и культурные связи Советского Союза. 1928–1932. М.: Наука, 1969. С. 135.

² *Симуков А.Д.* Роль СССР в деле исследования Монголии // *Хозяйство Монголии.* 1929. № 5. С. 43–52; *Шастина Н.П.* История изучения Монгольской Народной Республики // *Монгольская Народная Республика* / Отв. ред. И.Я. Златкин. М.: Изд-во АН СССР,

и тематика совместных работ, а также краткая история и проблемы развития первого монгольского научного учреждения. Ряд аспектов послевоенного советско-монгольского научного сотрудничества, их идеологическая составляющая в планировании исследований затронуты в статьях американского монголоведа Дж. Мэрфи, посвященных публикациям результатов Монгольской сельскохозяйственной экспедиции (1947–1951)³.

Ценная информация, способствующая пониманию специфики функционирования Комитета наук (Ученого комитета) в государственной системе МНР, а также дисциплинарной истории сотрудничества, содержится в публикациях советских ученых, работавших в Монголии, и в литературе об их деятельности⁴, а также в книгах и статьях зарубежных исследователей, которые контактировали с Комитетом наук (Ученым комитетом) во время пребывания в Улан-Баторе⁵.

Более детальный анализ советско-монгольского взаимодействия отечественные исследователи начали в конце 1970-х гг. Внимание к этой теме было связано с первыми юбилейными датами в истории Академии наук МНР. В сборниках, посвященных научному и культурному сотрудничеству СССР и МНР, публикациях Р.Л. Балдаева и Ш.Б. Чимитдоржиева в соответствии с нормами и оценками советской историографии кратко показаны основные события сотрудничества советских ученых с Комитетом наук (Ученым комитетом), ключевые исследования и их главные результаты⁶.

1952. С. 15–55; *Мурзаев Э.М.* Наука в Монгольской Народной Республике // Труды Московского института востоковедения. Сб. № 5. М.: МИВ, 1947. С. 313–326.

³ *Murphy G.* Resent Publications of the Mongolian Commission // Far Eastern Survey. 1956. Vol. 25. № 6 (June). P. 91–95; *Он же.* [Rev.:] Zhivotnovodstvo Mongolskoi Narodnoi Respubliki // Pacific Affairs. 1956. Vol. 29. № 1 (March). P. 80–82.

⁴ Жизнь и научная деятельность С. А. Кондратьева (1896–1970) в Монголии и для Монголии / Сост. *И. В. Кульганек, В. Ю. Жуков.* СПб.: Петербургское Востоковедение, 2006; *Мурзаев Э.М.* Александр Николаевич Формозов // В сердце Азии. М.: Наука, 1990. С. 134–157; *Он же.* Иван Ефремович Ефремов // Там же. С. 48–57; *Калинина А.В.* Научная и педагогическая деятельность А. А. Юнатова в Монголии // Ботанический журнал. 1968. Т. 53. № 10. С. 1501–1503; *Карамышева З.В.* Александр Афанасьевич Юнатов и его работы в Монголии // Растительность России. СПб., 2009. № 15. С. 97–112; *Алматов В.М.* Николай-Николас Поппе. М.: Восточная лит-ра, 1996; Среди людей и птиц: орнитолог и путешественница Е. В. Козлова (1892–1975) / Сост. А. И. Андреев, Т. Ю. Гнатюк. СПб.: Нестор-История, 2007; *Яцковская К.Н.* Наш учитель Эдуард Макарович Мурзаев (1908–1998) // Mongolica. 2010. № IX. С. 127–135; *Ефремов И.А.* Дорога ветров (гобийские заметки). Изд. 2-е. М.: Географгиз, 1962; *Перух Ю.Н.* По тропам Срединной Азии. Самара: Агни, 1994.

⁵ *Andrews R.Ch.* The New Conquest of Central Asia. New York: The American Museum of Natural History in New York, 1932; *Haenish E.* Die Mongolei — Bilder aus alter und neuer Zeit // Der Orient in Deutscher Forschung. Vorträge der Berliner Orientalistentagung, Herbst, 1942. Leipzig: O. Harrassowitz, 1944. S. 126–136.

⁶ *Балдаев Р.Л.* К вопросу о сотрудничестве СССР и МНР в области науки (1921–1940) // Культурные и научные связи между СССР и МНР. М., 1981. С. 19–43;

Конкретно на взаимодействии академий наук СССР и МНР первым сфокусировал свое внимание И. Н. Киселев⁷. Он подробно рассмотрел нормативную базу сотрудничества и содержание межакадемических договоров в 1960–1970-х гг., а также достижения совместных советско-монгольских экспедиций, организованных в эти годы. И. А. Суринов хронологически продолжил разработку темы межакадемических научных связей до 1980 г. Ее расширение — научно-техническое сотрудничество МНР с социалистическими странами (на двусторонней и многосторонней основе) — в 1960-х — начале 1980-х гг. подробно рассмотрел В. В. Окнянский⁸.

По дисциплинарной истории научных связей следует отметить исследования Э. М. Мурзаева и Н. А. Маринова⁹, в которых дан обстоятельный обзор географических и геологических работ в Монголии, показан вклад советских специалистов в географическое изучение страны и развитие геологической науки. Организационной стороне сотрудничества — созданию и деятельности Монгольской комиссии АН СССР посвящена ранее упомянутая монография автора. Кроме того, отдельные направления ее работы (этнографические, геологические и экономические) проанализированы в ряде статей В. В. Митина¹⁰.

Балдаев Р. Л., Чимитдоржиев Ш. Б. Сотрудничество СССР и МНР в области науки на социалистическом этапе развития МНР // Там же. С. 132–160; *Чимитдоржиев Ш. Б.* Сотрудничество ученых СССР и МНР // Проблемы Дальнего Востока. 1978. № 2. С. 175–180; *Малакшанов К. Л.* Развитие интеграционных связей в области науки между МНР и странами социалистического содружества // Страны Востока: проблемы социально-экономического и политического развития: Тезисы докладов региональной конференции. Иркутск, 1982. С. 18–21.

⁷ *Киселев И. Н.* Советско-монгольское научное сотрудничество (на примере АН СССР и АН МНР) // 50 лет Народной революции в Монголии. Сборник статей. М.: Наука, 1971. С. 163–179; *Он же.* Сотрудничество с Академией наук МНР // Сотрудничество АН СССР с Академиями наук стран — членов СЭВ. 1957–1967. М.: Наука, 1974.

⁸ *Суринов И. А.* Сотрудничество Академии наук СССР и Академии наук МНР // Вестник АН СССР. 1981. № 6. С. 74–81; *Окнянский В. В.* Научно-техническое сотрудничество МНР со странами — членами СЭВ. М.: Наука, 1984.

⁹ *Мурзаев Э. М.* Географические исследования Монгольской Народной Республики. М.; Л.: Географгиз, 1948; *Маринов Н. А.* Роль русских и советских геологов в изучении геологии и полезных ископаемых Монголии. М.: Недра, 1981.

¹⁰ *Митин В. В.* Географические исследования в послевоенных планах Монгольской комиссии АН СССР // Институт истории естествознания и техники (ИИЕТ) им. С. И. Вавилова. Годичная научная конференция, 2002. М.: Диполь-Т, 2002. С. 442–444; *Он же.* Экономические исследования в деятельности Монгольской комиссии АН СССР // ИИЕТ им. С. И. Вавилова. Годичная научная конференция, 2003. М.: Диполь-Т, 2003. С. 193–195; *Он же.* Наука и политика: советские ученые в Монголии в 1920–1930-е гг. // Вестник Псковского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные и психолого-педагогические науки. 2008. № 5. С. 34–40.

Результатом дальнейшего изучения контактов Академии наук и Комитета наук стал сборник «Монгольско-российское научное сотрудничество»¹¹, подготовленный автором данной книги совместно с коллегами из Института истории и археологии Монгольской академии наук. В статьях сборника на примере деятельности конкретных монгольских и российских ученых в 1920–1950-х гг. в Комитете наук (Ученом комитете) рассмотрены проблемы и специфика научного взаимодействия как отражения национальных особенностей развития науки и сложных социально-политических проблем государственного строительства в Монголии.

Важное место в историографии исследуемой в монографии проблемы занимают материалы о первых руководителях Комитета наук (Ученого комитета) — Ж. Ц. Жамцарано, О. Жамьяне, А. Амаре и Л. Дэндэве, опубликованные российскими, монгольскими и западными исследователями¹².

В целом, западные монголоеды становление науки в Монголии затрагивали, как правило, в рамках общих проблем истории Монголии. Здесь особо следует отметить подробные сведения и статистические данные о работе Комитета наук (Ученого комитета), его персональном составе и деятельности в рассматриваемый период в книге Р. Рупена «Монголия в XX веке»¹³. Одним из самых изученных сюжетов сотрудничества Ученого комитета с западноевропейскими научными учреждениями является история поездки монгольской молодежи для обучения в Германию и Францию в 1926–1929 гг. Детальное изучение этой «образовательной авантюры» провел С. Вольф¹⁴. В своей статье он

¹¹ Монгольско-российское научное сотрудничество: от Ученого комитета до Академии наук / Ред.-сост.: С. Чулуун, Т. Юсупова. Улаанбаатар: Адмон, 2012.

¹² *Улымжиев Д.Б., Цыцегма Ж.* Цыбен Жамцарано: научная, просветительская и общественно-политическая деятельность в Монголии (1911–1931). Улан-Удэ: Изд-во Бурятского гос. ун-та, 1999; *Решетов А.М.* Наука и политика в судьбе Ц. Ж. Жамцарано // *Orient*. Альманах. Вып. 2–3. СПб.: Утпала, 1998. С. 5–55; Жамсраны Цэвээн (1880–1942). Бүтээл туурвил / Отв. ред. Ш. Бира. Улаанбаатар, 2010; *Rupen A.* Cyben Zamcaranovic Zamcarano (1880–1940) // *Harvard Journal of Asiatic Studies*. 1956. Vol. 19. № 1/2. P. 126–144; *Poppe N.* Introduction to Altaic Linguistics. Wiesbaden: O. Harrassowitz, 1965. P. 87; *Чулуун С., Тордалай Р.* Онходын Жамьян и Ученый комитет Монголии: от традиции к науке (1921–1930) // Монгольско-российское научное сотрудничество: от Ученого комитета до Академии наук. Улаанбаатар, 2012. С. 50–63; *Пүрэвжав Э.* Онходын Жамьян. Улаанбаатар, 2003; *Хишигт Н., Цолмон П.* О деятельности А. Амара в области образования и науки // Агданбуугийн Амарын мэндэлсэний 120 жилийн ойд зориулсан эрдэм шинжилгээний бага хурлын эмхтгэл (Материалы конференции в честь 120-летия А. Амара). Улан-Батор, 2007; *Чулуун С.* Лхамсурен Дэндэв и Комитет наук (1942–1940): от государственной службы к служению науке // Монгольско-российское научное сотрудничество: от Ученого комитета до Академии наук. Улаанбаатар, 2012. С. 50–63.

¹³ *Rupen R.* Mongols of the Twentieth Century. Part I. Bloomington: Indiana University Publications, 1964. P. 204–207, 221, 285–289 и др.

¹⁴ *Wolff S.* Mongolian Educational Venture in Western Europe (1926–1929) // *The Mongolian Society Bulletin*. 1970. №9(2). P. 40–100.

подробно описал пребывание монгольских школьников и студентов в Европе, трудности, с которыми они столкнулись в новой для них культурной среде, реакцию европейского сообщества на их приезд. Кроме того, Р. Рупен проследил судьбу всех учащихся. Вернувшиеся на родину молодые монголы в дальнейшем сыграли видную роль в деятельности образовательных и научных учреждений страны.

Большое значение для выявления особенностей и общих тенденций в межгосударственном взаимодействии, необходимых для понимания политического контекста научного сотрудничества, имеют монографии С. К. Рощина и С. Г. Лузянина¹⁵. Новые концепции в интерпретации событий внутри (С. К. Рощин) и вокруг (С. Г. Лузянин) Монголии базируются в этих трудах на детальной проработке большого массива ранее закрытых архивных материалов. Эти работы значительно дополняют общую картину формирования внутривнутриполитического и международного положения Монголии. Данная тема продолжена в совместном российско-монгольском сборнике «Россия и Монголия: новый взгляд на историю взаимоотношений в XX веке»¹⁶.

Из западных публикаций, которые помогли в работе над книгой, в первую очередь следует отметить труды англо-американских исследователей О. Латтимора, Р. Рупена, Ч. Боудена, Дж. Мэрфи, А. Кампи и немецкого монголоведа У. Баркмана¹⁷, в которых представлен отличный от советской историографии взгляд на политическую историю Монголии, ее социальное и экономическое развитие, проблемы советско-монгольских отношений. Эти труды являются важными историографическими компонентами для понимания восприятия Монголии международным сообществом и объективной оценки советско-монгольских отношений, значимой частью которых являлось взаимодействие Академии наук СССР и Комитета наук (Ученого комитета) МНР.

¹⁵ *Рощин С. К.* Политическая история Монголии (1921–1940 гг.). М.: ИВ РАН, 1999; *Лузянин С. Г.* Россия — Монголия — Китай в первой половине XX в. Политические взаимоотношения в 1911–1946 гг. М.: ИДВ РАН, 2000.

¹⁶ Россия и Монголия: новый взгляд на историю взаимоотношений в XX веке. М.: ИВ РАН, 2001.

¹⁷ *Lattimore O.* Nomads and Commissars. Mongolia Revisited. New York: Oxford University Press, 1962; *Rupen R.* Mongols of the Twentieth Century. Part I. Indiana University, Bloomington, 1964; *Bawden Ch.* The Modern History of Mongolia. New York: Frederick A. Praeger, 1968; 2nd ed. New York: Kegan Paul International, 1989; *Murphy G. G.* Soviet Mongolia: a Study of the Oldest Political Satellite. Berkeley: University of California Press, 1966; *Campi A., Baasan R.* The Impact of China and Russia on United States-Mongolian Political Relations in the Twentieth Century. The Edwin Mellen Press, 2009; *Barkmann U.* Geschichte der Mongolei oder die Mongolische Frage: die Mongolen auf ihrem Weg zum eigenen Nationalstaat. Bonn: Bouvier Verlag, 1999.

Для характеристики международного статуса Монгольской Народной Республики О. Латтимор ввел понятие «сателлитизм», под которым понимается форма выживания малой нации, чья территория служит буфером между двумя великими державами. Именно сателлитизм, по мнению американского ученого, лежал в основе советско-монгольских отношений¹⁸. Это определение прочно вошло в западную монголоведную литературу, хотя сам автор в 1962 г. внес коррективы в его использование для Монголии, полагая, что это понятие не является однозначно приемлемым для страны¹⁹. Уже в перестроечное время монгольский публицист Б. Баабар²⁰ в своей работе использовал определение МНР как «марионеточной республики» («Puppet Republic»)²¹. Хотя его книга носит весьма тенденциозный характер, она отражает появившийся в монгольской историографии критический подход к основной массе идеологически ангажированных «историй» Монголии, написанных в годы строительства социализма в стране.

Несмотря на то что в приведенных публикациях информация о развитии науки в Монголии, ее научных учреждениях крайне скупа, изложение исторических событий с использованием отличных от советской историографии исследовательских подходов и архивных материалов из западных хранилищ позволяет воссоздать необходимые контексты для изучения проблем развития советско-монгольского научного сотрудничества.

Радикальные политические перемены в Монголии, произошедшие в 1991 г., политика открытости страны внешнему миру вызвали интерес к ней исследователей стран Западной Европы, Китая, Японии, Республики Корея, США. Научные центры этих стран предлагают монгольским коллегам весьма привлекательные условия проведения совместных исследований и публикации материалов. Все больше монгольских студентов получают образование в зарубежных странах. Можно сказать, что сегодняшней реальией в международном сотрудничестве монгольских ученых, на наш взгляд, является широкая возможность выбора международного партнера. Автор надеется, что в этих условиях исторический опыт сотрудничества в 1920–1960-х гг. может быть полезен для продолжения существующих и выстраивания новых конфигураций научных контактов между Россией и Монголией.

¹⁸ *Lattimore O.* Nationalism and Revolution in Mongolia. New York: Oxford University Press, 1955. P. 42.

¹⁹ *Lattimore O.* Nomads and Commissars. Mongolia Revisited. New York: Oxford University Press, 1962. P. 155–169.

²⁰ Настоящее имя Бат-Эрдэнийн Батбаяр — в недавнем прошлом государственный и партийный деятель Монголии.

²¹ *Baabar B.* From World Power to Soviet Satellite: History of Mongolia. Cambridge: White Horse Press, 1999.

Автор выражает искреннюю признательность за помощь и советы в ходе работы над книгой заведующему сектором Монголии Института востоковедения РАН, д-ру ист. наук В. В. Грайворонскому, заведующей Центром азиатских и тихоокеанских исследований Института этнологии и антропологии РАН, д-ру ист. наук Н. Л. Жуковской, профессору Байкальского государственного университета, д-ру ист. наук Ю. В. Кузьмину, заведующему сектором истории Академии наук и научных учреждений Санкт-Петербургского филиала Института истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова РАН, д-ру ист. наук В. С. Соболеву, директору Института истории и археологии Монгольской академии наук проф. С. Чулууну, ученому секретарю этого института канд. ист. наук Н. Хишигт. Без их заинтересованного внимания к работе и поддержки эта книга была бы невозможна.

ГЛАВА 1

МОНГОЛИЯ КАК ОБЪЕКТ ИЗУЧЕНИЯ АКАДЕМИЕЙ НАУК В XVIII — НАЧАЛЕ XX В.

1.1. Монголоведение в Академии наук

Монголоведение¹ как научная дисциплина в Академии наук² складывалась в рамках общего развития российского востоковедения, начало которому было положено уже в первые годы существования Академии наук. История российского монголоведения рассмотрена в целом ряде работ авторитетных исследователей³. Позволим себе, опираясь на эти публикации, отметить основные этапы его развития и ключевых персоналий.

Расширяясь в восточном направлении, в первой четверти XVII в. границы Русского государства подошли к владениям монгольских ханов. (Монгольская империя, созданная Чингис-ханом (монг. *Чингис хаан*) в начале XIII в., вследствие огромного пространственного протяжения оказалась недолговечной и к началу XVII в. распалась на отдельные княжества). Утилитарная необходимость знать языки и обычаи соседних народов побудила к собиранию книг, предметов культа и быта восточных народов. Потребность в их изучении сделала актуальным приглашение в Академию наук ученого-востоковеда. Этот

¹ По определению, данному Большой советской энциклопедией (БСЭ), монголоведение — комплекс научных дисциплин, изучающих историю, археологию, этнографию, экономику, язык и литературу монгольских народов (БСЭ / Гл. ред. А. М. Прохоров. Изд-е 3-е. Т. 16. М.: Советская энциклопедия, 1974. С. 501).

² Здесь и далее имеется в виду Российская академия наук, РАН (с 1991; до этого она называлась: Санкт-Петербургская Академия наук, Императорская Академия наук (1724–1917), РАН (1917–1925), Академия наук СССР (1925–1991)).

³ См. напр.: Монголоведение // История отечественного востоковедения до середины XIX в. М.: Наука, 1990. С. 275–284; *Иорши И. И.* Монголоведение // Азиатский музей — Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР. М.: Наука, 1972. С. 209–234; *Евдокимова Т. Ю., Кульганек И. В.* Страницы из истории монголоведения в Санкт-Петербургском государственном университете // *Mongolica*. 2008. № VIII. С. 12–27; *Валеев Р. М.* Казанское востоковедение: история и развитие (XIX в. — 20-е гг. XX в.). Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1998; *Улымжиев Д. Б.* Монголоведение в России во второй половине XIX — первой половине XX в.: Петербургская школа монголоведов. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 1997; *Сазыкин А. Г.* Каталог монгольских рукописей и ксилографов Института востоковедения Академии наук СССР. Т. 1. М.: Главн. ред-я восточ. лит-ры, 1988. С. 6–27 и др.

вопрос в мае 1725 г. вынес на рассмотрение Конференции президент Академии наук Л. Л. Блюментрост⁴. Профессор логики и метафизики Г. Б. Бильфингер предложил на эту должность «знатока восточных языков и древностей» из Кёнигсбергского университета Г. З. Байера (*Gottlieb Siegfried Bayer*, 1694–1738). В приглашении, направленном ученому конференц-секретарем Академии Х. Гольдбахом, отмечалось, что в Петербурге созданы прекрасные условия для научной работы⁵. Г. З. Байер принял предложение и в начале 1726 г. прибыл в Россию. В Академии наук он получил должность профессора в начале греческих и римских древностей (в 1725–1734 гг.), а затем — восточных древностей (в 1734–1737 гг.)⁶. Таким образом, он стал первым штатным востоковедом в составе Санкт-Петербургской Академии наук. Знание латинского, греческого, древнееврейского, сирийского, коптского, армянского языков определили широту его профессиональных интересов. В России Г. З. Байер занялся также изучением санскрита, монгольского (калмыцкого), тангутского языков. Наибольший вклад Г. З. Байер внес в развитие китаеведения. До приезда в Петербург у него уже имелось несколько публикаций по этой проблематике, а в 1730 г. в типографии Академии наук были изданы два тома его труда «Китайский музей» (*Museum Sinicum*)⁷, где ученый попытался проанализировать структуру и особенности китайского языка. Несмотря на целый ряд недостатков книги, отмеченных и самим автором, труд Г. З. Байера был первой в Европе попыткой объяснения, можно сказать, «механизма функционирования» китайского языка⁸.

Трудов, специально посвященных монгольской тематике, у Г. З. Байера не было, в его работах имеются лишь отдельные сведения о монгольской (мунгальской) письменности или о монгольских исторических источниках⁹.

⁴ Летопись Российской академии наук. Т. I. 1724–1802 / Отв. ред. Н. И. Невская. СПб.: Наука, 2000. С. 39.

⁵ Там же. С. 44.

⁶ Куликова А. М. Востоковедение в российских законодательных актах (конец XVII в. — 1917 г.). СПб.: Петербургское Востоковедение, 1993. С. 14–15; Летопись Российской академии наук. Т. I. 1724–1802. СПб., 2000. С. 42–45, 47, 49, 52 и далее; С. 927; См. также: История отечественного востоковедения до середины XIX в. М.: Наука, 1990. С. 51–52; Готлиб Зигфрид Байер — академик Петербургской Академии наук: Сборник статей. СПб.: Европейский Дом, 1996.

⁷ *Bayeri Th.S. Museum Sinicum*. Т. I. In auo Sinica Linguae et Litteraturae ratio explicatur. Т. II. Lexicon Sinicum et Diatribas Sinicas comprelendit. Petropoli: Typographia Academiae Imperatoriae, 1730.

⁸ Эрлих В. А. Русскоязычные издания XVIII в. о Востоке и российские немцы // Немецкий этнос в Сибири: альманах гуманитарных исследований. Вып. 2. Новосибирск: Гуманитарные технологии, 2000. С. 167–173.

⁹ *Bayeri Th.S. Elementa literaturae Brahmanicae Tanuanae Mungalicae* // *Commentarii Academiae Scientiarum Imperialis Petropolitanae*. Т. III. SPb., 1732. С. 389–422; Т. IV. SPb., 1735. С. 289–245.

Однако, судя по протоколам академической Конференции, он обращался к проблемам монгольской письменности и грамматики. Результаты своего исследования Г. З. Байер изложил в большом докладе, в котором на основе анализа монгольского шрифта предположил его родство с сирийским. Чтение доклада растянулось на два заседания, состоявшихся 1 и 4 декабря 1730 г.¹⁰

Обсуждение монгольской письменности продолжилось и на заседании Конференции 12 февраля 1731 г., где Г. З. Байер представил «монгольский алфавит в 12 главах», полученный от генерал-фельдмаршала Я. В. Брюса, и провел сравнение с составленным им самим, продемонстрировав совпадения и различия между ними¹¹.

После смерти Г. З. Байера место академика-ориенталиста оставалось вакантным, а по Регламенту Академии 1747 г. вообще было исключено из академического штата. Только через почти 90 лет Уставом 1836 г. были введены два академических места «по истории и словесности азиатских народов»¹². В этот период интересы Академии наук в области монголоведения сводились только к собиранию рукописей и ксилографов, основными «поставщиками» которых были сотрудники академических экспедиций¹³.

Историки российского монголоведения отмечают, что одним из первых монгольские рукописи (хотя и немногочисленные) доставил в Петербург Д. Г. Мессершмидт (*Daniel Gottlieb Messerschmidt*, 1685–1753)¹⁴. По поручению Петра I он с 1720 по 1727 г. совершил путешествие по Сибири. В 1724 г. его маршрут проходил по Даурии, Забайкалью, частично Приамурью¹⁵. В поездке к озеру Далай-нор (монг. *Далай нуур*) он пересек границу Цинской империи (в середине сентября) и около месяца провел на приграничных территориях, в местах расселения монгольских народов. В пути он даже пытался заниматься монгольским языком и за период с 10 по 22 октября 1724 г. записал и пере-

¹⁰ Летопись Российской академии наук. Т. I. 1724–1802. СПб., 2000. С. 96. По мнению современных исследователей, монгольский шрифт заимствован из уйгурского письма, которое в свою очередь восходит к согдийскому, развившемуся из семитской (арамейской) письменности (см.: *Кара Д.* Книги монгольских кочевников (семь веков монгольской письменности). М.: Главн. ред-я восточ. лит-ры, 1972. С. 18).

¹¹ Летопись Российской академии наук. Т. I. 1724–1802. СПб., 2000. С. 98.

¹² Регламент Академии наук 1803 г. // Уставы Академии наук СССР / Отв. ред. Г. К. Скрябин. М.: Наука, 1974. С. 103.

¹³ История формирования монгольского фонда в Академии наук подробно рассмотрена в: *Сазыкин А. Г.* Каталог монгольских рукописей и ксилографов Института востоковедения Академии наук СССР. Т. 1. М., 1988. С. 6–27.

¹⁴ *Иорши И. И.* Монголоведение // Азиатский музей — Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР. М., 1972. С. 210; *Новлянская М. Г.* Даниил Готлиб Мессершмидт и его работы по исследованию Сибири. Л.: Наука, 1970.

¹⁵ *Мурзаев Э. М.* Географические исследования Монгольской Народной Республики. М.; Л., 1948. С. 29.

вел на немецкий и латинский языки 237 монгольских слов. Д. Г. Мессершмидт собрал обширные этнографические, ботанические, зоологические, геологические коллекции, среди которых были монгольские, тангутские, китайские предметы и рукописи¹⁶.

В дневниках путешественника содержатся ценные географические наблюдения, сделанные по маршруту следования, записи по истории, этнографии, археологии, лингвистике встреченных им народов. В частности, он провел сравнение одежды, внешности и языка бурят и калмыков и предположил их родство¹⁷.

Большое количество монгольских рукописей поступило от сотрудников последующих академических экспедиций. Так, участник Второй Камчатской экспедиции (1733–1743) академик Г. Ф. Миллер (*Gerhard Friedrich Müller*, 1705–1783)¹⁸ доставил в Петербург разнообразные восточные, в том числе монгольские, рукописи, часть которых была из библиотеки буддийского монастыря Аблай¹⁹, расположенного в среднем течении Иртыша. Г. Ф. Миллера можно также назвать первым историком российско-монгольских отношений. В его капитальном труде «Описание сибирского царства»²⁰, написанном на основе многочисленных документов, собранных в сибирских архивах, есть материалы по истории соседней страны, а отношения с Монголией²¹ рассматриваются как

¹⁶ *Новлянская М. Г.* Даниил Готлиб Мессершмидт и его работы по исследованию Сибири. Л., 1970. С. 82–99; 180; *Тункина И. В., Савинов Д. Г.* Даниэль Готлиб Мессершмидт: у истоков сибирской археологии. СПб.: ЭлекСис, 2017. С. 26–27; 57.

¹⁷ *Титова З. Д.* Дневник Д. Г. Мессершмидта — ранний источник по изучению народов Сибири // Г. Ф. Миллер и русская культура / Отв. ред. Д. Дальманн и Г. Смагина. СПб.: Росток, 2007. С. 258.

¹⁸ О нем см., напр.: *Hoffmann P.* Gerhard Friedrich Müller (1705–1783): Historiker, Geograph, Archivar im Dienste Russlands (Herforder Forschungen). Frankfurt am Main: Lang, 2005; *Илизаров С. С.* Герард Фридрих Миллер (1705–1783). М.: Янус-К, 2005; Г. Ф. Миллер и русская культура / Отв. ред. Д. Дальманн и Г. Смагина. СПб.: Росток, 2007.

¹⁹ Рукописи из монастыря Аблай сейчас хранятся в Институте восточных рукописей РАН (*Кульганек И. В.* Монгольский рукописный фонд Института восточных рукописей РАН // *Mongolica*. 2008. № VIII. С. 28). Монастырь был построен в середине XVII в. ойратским князем Аблаем, однако просуществовал очень непродолжительное время: ойраты покинули эти места. Его обнаружили в 20-х гг. XVIII в. во время строительства новых пограничных укреплений. Заброшенный храм с библиотекой стоял нетронутым.

²⁰ [*Миллер Г. Ф.*] Описание Сибирского царства и всех происшедших в нем дел от начала, а особливо от покорения его Российской державе по сии времена. Книга первая. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1750; *Миллер Г. Ф.* История Сибири. Т. 1. М.: Восточная лит-ра, 1999; Т. 2. М.: Восточная лит-ра, 2002; Т. 3. М.: Восточная лит-ра, 2005.

²¹ Под Монголией в этой книге мы имеем в виду территорию Внешней Монголии или Халхи, северной части исторической области Монголия (Северная Монголия), территории современного государства Монголия (с 1924 по 1992 г. — Монгольская Народная Республика, МНР).

«органическая часть истории Сибири»²². В книге также содержится богатый материал об этногенезе монголов, расселении древних монгольских и тюркских племен, общности их происхождения, быте и хозяйственном укладе²³.

С именем Г. Ф. Миллера связано также формирование подлинно научного подхода к древностям: первые попытки классификации древних захоронений и систематизации археологического материала²⁴. Он одним из первых стал рассматривать извлекаемые из земли вещи в контексте истории. К его описаниям археологических находок обращались последующие поколения исследователей, в том числе академик В. В. Радлов при подготовке своей Орхонской экспедиции в Монголию и при обработке собранного материала.

Вслед за Г. Ф. Миллером в Сибирь был командирован другой историк, И. Э. Фишер (*Johann Eberhard Fischer*, 1697–1771)²⁵. За время своей поездки (в 1740–1747 гг.) он собрал значительное количество лексических образцов из языков татар, монголов и других восточных народов. В Санкт-Петербурге он опубликовал статью «О народе и имени татарском, так же и о древних монгольцах и их языке»²⁶. Кроме того, И. Э. Фишеру было поручено составить по собранным Г. Ф. Миллером материалам и результатам своей поездки в Сибирь сокращенную историю Сибири, в которой также нашли отражение материалы о монгольских народах и их истории²⁷.

Следующий шаг в развитие монголоведения сделали участники академических экспедиций 1768–1774 гг. (так называемых «физических»). Так, П. С. Паллас (*Peter Simon Pallas*, 1741–1811) во время своего многолетнего путешествия в Оренбургский край и Сибирь занимался не только изучением географо-ботанических особенностей регионов, но и сбором сведений о народах, населяющих Россию и приграничные с ней территории. К заслугам великого естествоиспытателя XVIII в. справедливо будет добавить также лавры организатора первых исследований в области монголоведения. Именно по его

²² История Монгольской Народной Республики. Изд. 3-е, перераб. и доп. / Гл. ред. А. П. Окладников, Ш. Бира. М.: Главн. ред-я восточ. лит-ры, 1983. С. 57.

²³ *Балдаев Р. Л.* Исследования по этнографии Монголии (Архив восточных рукописей и ксилографов ИМБТ СО РАН. № 2204. Л. 4).

²⁴ *Тихонов И. Л.* Г. Ф. Миллер как археолог // Г. Ф. Миллер и русская культура. СПб., 2007. С. 84–96.

²⁵ *Соболев В. С.* И. Э. Фишер и изучение Сибири // Г. Ф. Миллер и русская культура. СПб., 2007. С. 293–296.

²⁶ *Фишер И. Э.* О народе и имени татарском, так же и о древних монгольцах и их языке // Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие. 1755. Т. 2. С. 455–484.

²⁷ *Fischer I. E.* Sibirische Geschichte. Th. 1–2. SPb.: Gedruckt bey der Kaiserlichen Academie der Wissenschaften, 1768. Русский перевод вышел в 1774 г.: [*Фишер И. Э.*] Сибирская история с самого открытия Сибири до завоевания сей земли российским оружием. СПб.: Тип. Имп. Академии наук, 1774; Материалы для истории экспедиций Академии наук в XVIII и XIX вв. / Сост. В. Ф. Гнучева. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1940. С. 69; Летопись Российской академии наук. Т. 1. 1724–1802. СПб., 2000. С. 340, 368, 402, 404.

рекомендации в 1773 г. к работе в Академии наук был привлечен переводчик И. Иериг (*Johann Jaerig, Jährig*; 1747–1795)²⁸, который по праву считается одним из первых монголистов в Академии наук. Он не только прекрасно знал разговорный монгольский язык, но и разбирал монгольскую письменность²⁹. По поручению П. С. Паласа он занимался изучением монгольских, калмыцких и тангутских наречий и древних памятников в Астрахани, Оренбурге, Иркутске, в районе Гусинога озера, Удинска, Кяхты, откуда регулярно высылал в Академию наук отчеты, которые зачитывались на заседаниях Конференции³⁰. По мнению исследователей его жизни и деятельности, И. Иериг был одним из первых европейцев, кто познакомился с монгольскими историческими рукописями в подлинниках³¹.

О количестве монгольских рукописей в Академии наук можно судить по описанию ее книжного собрания, сделанного библиотекарем И. Бакмейстером в 1776 г. Он отметил, что библиотека «обильно снабжена тангутскими и монгольскими письменами, кои писаны золотом, серебром и чернилами; но за незнанием сих не имеем дальнейшего о них сведения»³². В этой же работе, в разделе «Этнографические коллекции», он сообщал о 80-ти монгольских идолах. Эти предметы «как своею редкостью, так и изъяснением знаменитого тибетского богослужения особливо достойны примечания. <...> Сии суть те самые идолы, которых изображения аббат Шапе³³ и господин профессор Паллас в описаниях путешествий своих впервые представили публике»³⁴. Именно И. Иериг составил первый список монгольских, тибетских и санскритских рукописей и ксилографов, находившихся в Академии наук³⁵.

В конце 1788 г. И. Иериг возвратился в Петербург. В 1791 г. Академия наук за научные заслуги присудила ему пожизненную пенсию. После его

²⁸ Летопись Российской академии наук. Т. I. 1724–1802. СПб., 2000. С. 608.

²⁹ Шафрановская Т. К. Монголист XVIII в. Иоган Иериг // Страны и народы Востока. Вып. IV. М.: Главн. ред-я восточ. лит-ры, 1965; Schweitzer K. Johann Jährig und seine Zeit // Ein Bädinger forscht bei den Mongolen. Geschichtswerkstatt Bädigen, 2008.

³⁰ Летопись Российской академии наук. Т. I. 1724–1802. СПб., 2000. С. 625, 628, 629, 642, 647, 649, 650, 651 и т. д.

³¹ Иориш И. И. Монголоведение // Азиатский музей – Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР. М., 1972. С. 211.

³² Цит. по: Шафрановская Т. К. Монголист XVIII в. Иоган Иериг // Страны и народы Востока. Вып. IV. М., 1965. С. 155.

³³ Аббат Жан Шап д'Отрош (фр. *Jean Chappe d'Auteroche*, 1722–1769), французский астроном и путешественник.

³⁴ Цит. по: Шафрановская Т. К. Кунсткамера и Восток: Первые азиатские коллекции Кунсткамеры, собранные отечественными путешественниками // Кунсткамера: Этнографические тетради. СПб.: Изд-во Музея антропологии и этнографии (Кунсткамера), 1993. Вып. 1. С. 97–98.

³⁵ Ueber die Mongolischen Bücher der hiesigen Academischen Bibliothek // Journal von Russland. 1796. Bd. II. Januar bis Junius. S. 122–144; 194–200.

смерти Конференция поручила пастору А. Гроту отредактировать составленную И. Иеригом «Историю монгольского народа». Ему помогали профессора В. Л. Крафт (1743–1814) и Ф. Т. Шуберт (1758–1825)³⁶. В этой работе содержались разнообразные сведения об истории и религии, традициях и обычаях монголов, о монгольской системе знаний, в частности об астрономии. П. С. Паллас постоянно обращался к материалам И. Иерига. Часть из них включил в свою работу «Собрание исторических известий о монгольских народах», первый том которой вышел в 1776 г., а второй — в 1801 г.³⁷, уже после смерти И. Иерига³⁸. Этот труд стал, по мнению современных историков, «первым специальным исследованием, посвященным истории и этнографии монголов, преимущественно их западной ветви — ойратов»³⁹.

Значительное количество материалов о народах Востока представлено в работе другого участника академических экспедиций, натуралиста и этнографа И. Г. Георги (*Johann Gottlieb Georgi*, 1729–1802) «Описание всех обитающих в Российском государстве народов». В четвертой части этого труда подробно рассказано о монгольских народах: калмыках, бурятах (буреттах), монголах⁴⁰.

Таким образом, трудами участников экспедиций Академии наук на протяжении XVIII в. были собраны богатые коллекции рукописей, произведений искусств, религиозной атрибутики и этнографических материалов, опубликованы первые исследования по проблемам языка, истории и этнографии монгольских народов.

³⁶ Там же. С. 881, 882, 884.

³⁷ *Pallas P. S. Sammlungen Historischer Nachrichten über die Mongolischen Völkerschaften*. Bd. 1. St. Petersburg, 1776; *Idem*. Sammlung über den Götzendienst, die Geistlichkeit, Tempel und abergläubische Gebräuche der mongolischen Völkerschaften, hauptsächlich die aus dem Tybet abstammende Fabellerte und damit verknüpfte Hierarchie (Сведения о богослужении, светлых духах, храмах и суеверных обычаях монгольских народностей, главным образом в Тибете, и о теории происхождения сюжетов и связанной с этим иерархией). Bd. II. St. Petersburg: bey der Kayserl. Akademie der Wissenschaften, 1801. См.: *Воробьева-Десятовская М. И., Савицкий Л. С.* Тибетоведение // Азиатский музей — Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР. М., 1971. С. 149.

³⁸ Научные рукописи И. Иеринга в 1819 г. были переданы в Азиатский музей (сейчас — Институт восточных рукописей РАН); деловая переписка с Академией хранится в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН.

³⁹ Цит. по: История Монгольской Народной Республики. Изд. 3-е., перераб. и доп. М., 1983. С. 58.

⁴⁰ *Георги И. Г.* Описание всех обитающих в Российском государстве народов, и их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, вероисповеданий и прочих достопамятностей. В 4 частях. Часть четвертая. О народах монгольских, об армянах, грузинах, индийцах, немцах, поляках и о владычествующих россиянах, с описанием всех именованных козаков, так же История о Малой России и купно о Курландии и Литве. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1799.

Научное издание

Татьяна Ивановна Юсупова

**СОВЕТСКО-МОНГОЛЬСКОЕ
НАУЧНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО**

Становление, развитие и основные результаты (1921–1961)

Корректор *Е. Г. Закревская*
Оригинал-макет *Л. Е. Голод*
Дизайн обложки *И. А. Тимофеев*

Подписано в печать 30.10.2018. Формат 70×100¹/₁₆
Бумага офсетная. Печать офсетная
Усл.-печ. л. 25,2. Заказ № 1233
Тираж 300 экз.

Издательство «Нестор-История»
197110 СПб., Петрозаводская ул., д. 7
Тел. (812)235-15-86
e-mail: nestor_historia@list.ru
www.nestorbook.ru

Отпечатано в типографии издательства «Нестор-История»
Тел. (812)235-15-86